

Страница из дневника

В этот день родился гений, в этот день родился я, но 16 мая не будет одним праздником, который будет мной отмечаться ежегодно. Мое путешествие жизни началось в культурной столице, Санкт-Петербурге, конечно я рос в центральной фешенебельной магистрали города. Хотя мои родители не так любили друг друга, о ребенке они думали, воспитали хорошо, в благополучие, к тому же это была состоятельная семья. Я знал, чтобы получить достойную жизнь, надо стараться, так мой отец дослужился до высшего чина и стал командовать железнодорожным батальоном.

Для моей матери, это был уже второй брак, в первом она быстро стала вдовой, но это не особо повлияло на ее жизнь. Ведь она приходилась дальней родственницей поэту Афанасию Афанасьевичу Фету и была дочерью дворянина Степана Сергеевича Шеншина. Но как я уже писал в браке с моим отцом они не очень ужились и когда я немного подрос, подали на развод, но на самом деле почему все у них сложилось именно так, остается загадкой. Из-за этого дальше я учился в Череповце в имении родственников до 4 класса, потом жил с отцом на северо-востоке Китая, это были последние наши с ним встречи, я снова возвращаюсь в Санкт-Петербург к матери, а отец с которым я не успел попрощаться, скончался.

Но не будем об этом, на самом деле многие говорят, что я родился под счастливой звездой, ведь мой литературный талант стал проявляться еще с детства. Когда мне исполнилось семь-восемь лет, я под влиянием любимого поэта Алексея Константиновича Толстого взялся за чернильницу и перо и начал сочинять стихи, первое было «Звезда и Дева»

Вот и звезда золотая
Вышла на небо сиять.
Звездочка верно не знает,
Что ей недолго блистать.
Так же и девица красна:
Выйдет на волю гулять,
Вдруг молодец подъезжает, —
И воли ее не видать.

Легкий слог, незамысловатое, я еще покорю мир или же засмущаю. Я начинаю регулярно печататься в журналах, надеясь получить отклик от редакторов, но мои детские стихи особого эффекта на читателей не произвели. Таким образом, на страницах литературных изданий красовались мои, которые я подписывал нетривиальным псевдонимом «Граф Евграф д'Аксанграф». Но официальным стартом в своей творческой биографии считаю публикацию в журнале для солдат и народа «Досуг и дело». Осенью в Гатчине я познакомился с Константином Михайловичем Фофановым, которого считал своим предтечей и наставником. Этот день навсегда остался в памяти у меня, буду праздновать его каждый год, потому что Фофанов стал первым из поэтов, кто оценил мой литературный талант и стал путеводной звездой в безграничном мире литературных строк. Примерно в это же время вместо Лотарева (моя настоящая фамилия) я становлюсь Игорем Северяниным. Но это не фамилия, а второе имя, которое я считаю своеобразным оберегом и мифологемой. Всегда просил писать через тире, но это не прижилось.

Далее на собственные деньги издал 35 брошюр, которые позже планировал объединить в поэтический сборник под названием «Полное собрание сочинений». Одна из рукописей попала в руки знаменитому Льву Николаевичу Толстому. Ознакомившись с произведением «Хабанера II»,

Вонзите штопор в упругость пробки, —
И взоры женщин не будут робки!..
Да, взоры женщин не будут робки,
И к знойной страсти завьются тропки.Плесните в чаши янтарь муската
И созерцайте цвета заката...
Раскрасьте мысли в цвета заката
И ждите, ждите любви раската!.. Ловите женщин, теряйте мысли...
Счет поцелуям — пойдя, исчисли!..
А к поцелуям финал причисли, —
И будет счастье в удобном смысле!..

автор романа «Война и мир» раскритиковал творчество в пух и прах. «Чем занимаются, чем занимаются...И это – литература? Вокруг – виселицы, полчища безработных, убийства, невероятное пьянство, а у них – упругость пробки...», – отозвался о стихотворении русский классик.

Мой друг не промедлил отправить эту цитату во многие издания, поэтому со словами, сказанными Толстым, ознакомились многие любители поэзии и, собственно, я тоже. Но такая беспощадная критика не сломила такого талантливого представителя постмодернизма, а наоборот, пошла мне на руку. Ведь, как говорится, черная слава – тоже слава. Мое имя стало известным, его бранили все, кому не лень. А журналы, жаждущие сенсации и наживы, охотно печатали мои рукописи на своих страницах.